

УДК 903.27(571.15)

Н.В. Полосьмак

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.ru*

ТАТУИРОВКА У ПАЗЫРЫКЦЕВ

Впервые древнее мумифицированное тело представителя пазырыкской культуры с татуировкой было найдено на Улаганском нагорье в 1948 г. С.И. Руденко при исследовании Второго Пазырыкского кургана. Это был мужчина-монголоид около 60 лет. Татуировка в виде фигур реальных и фантастических животных, а также рыб покрывала обе его руки, верхнюю часть спины, голени [Руденко, 1953, с. 136 – 141] (рис. 1, 1; 2). Летом 1993 г. в кург. № 1 могильника Ак-Алаха-3 на плато Укок (Республика Алтай) нами была обнаружена мумия женщины, руки которой от плеч до кистей украшала татуировка синего цвета (см. рис. 1, 2, 3) [Полосьмак, 1994, с. 29 – 34]. Изображение неплохо сохранилось на левой руке и почти полностью разрушено на правой. Татуировка покрывала и некоторые фаланги пальцев обеих рук. На этом же плоскогорье 1995 г. в могильнике Верх-Кальджин II (кург. № 3) В.И. Молодиным открыто погребение татуированного пазырыкца. На левом плече молодого мужчины было изображено фантастическое копытное животное, как бы перекинутое через плечо (см. рис. 1, 3, 4). К сожалению, как и С.И. Руденко, нам не удалось скопировать всю композицию на руках женщины и полностью зверя на плече мужчины из-за дефектов и складок кожи.

На левом плече женщины из кург. № 1 могильника Ак-Алаха-3 изображено фантастическое животное: копытное с клювом грифона, стилизованными рогами козерога и оленя, украшенными головками грифонов (см. рис. 1, 2). Животное показано с “перекрученным” туловищем. Ниже в такой же позе изображен баран с закинутой назад головой. У его задних ног сомкнулась зубастая пасть пятнистого барса с длинным закрученным хвостом. Под этой фигурой запечатлен фантастический зверь, изображение головы которого не сохранилось. У него когтистые лапы

хищника, длинный полосатый хвост тигра, туловище оленя, из-за спины “вырастает” стилизованная головка грифона. Сохранилась также часть оленьих рогов с головками грифонов на концах отростков. На запястье левой руки женщины изображена маленькая головка оленя с большими ветвистыми рогами. На второй фаланге большого пальца правой руки нарисовано какое-то копытное с “перекрученным” туловищем. При том, что изображение читается довольно легко, определить, какое это конкретно животное, пока невозможно (может быть, баран?). Знаки на среднем и безымянном пальцах левой руки мелкие и плохо различимые.

Татуировка на руках женщины по стилю и способу нанесения совершенно идентична той, что служила украшением мужчины из Второго Пазырыкского кургана. Кроме того, повторяются и образы животных: баран, рогатое копытное с клювом грифона, хищник семейства кошачьих. Можно отметить также сходство в композиционном построении рисунков на руках: в верхней части плеча и у мужчины, и у женщины показаны фантастические копытные животные – один из основных персонажей пазырыкской татуировки вообще; их фигуры чередуются с изображениями хищников семейства кошачьих и баранов.

По стилю и способу нанесения рисунки на телах этих мумий тождественны татуировке на плече мужчины из кург. № 3 могильника Верх-Кальджин II в виде копытного фантастического животного с туловищем оленя, клювом грифона и головками грифонов на рогах и спине (см. рис. 1, 3).

Татуировка – один из древнейших видов искусства. Самую древнюю (6 тыс. л.н.) татуировку в виде тонких усов на верхней губе мужчины связывают с культурой чинчорро [Allison, 1995, p. 126]. К татуировкам некоторые специалисты относят изображения,

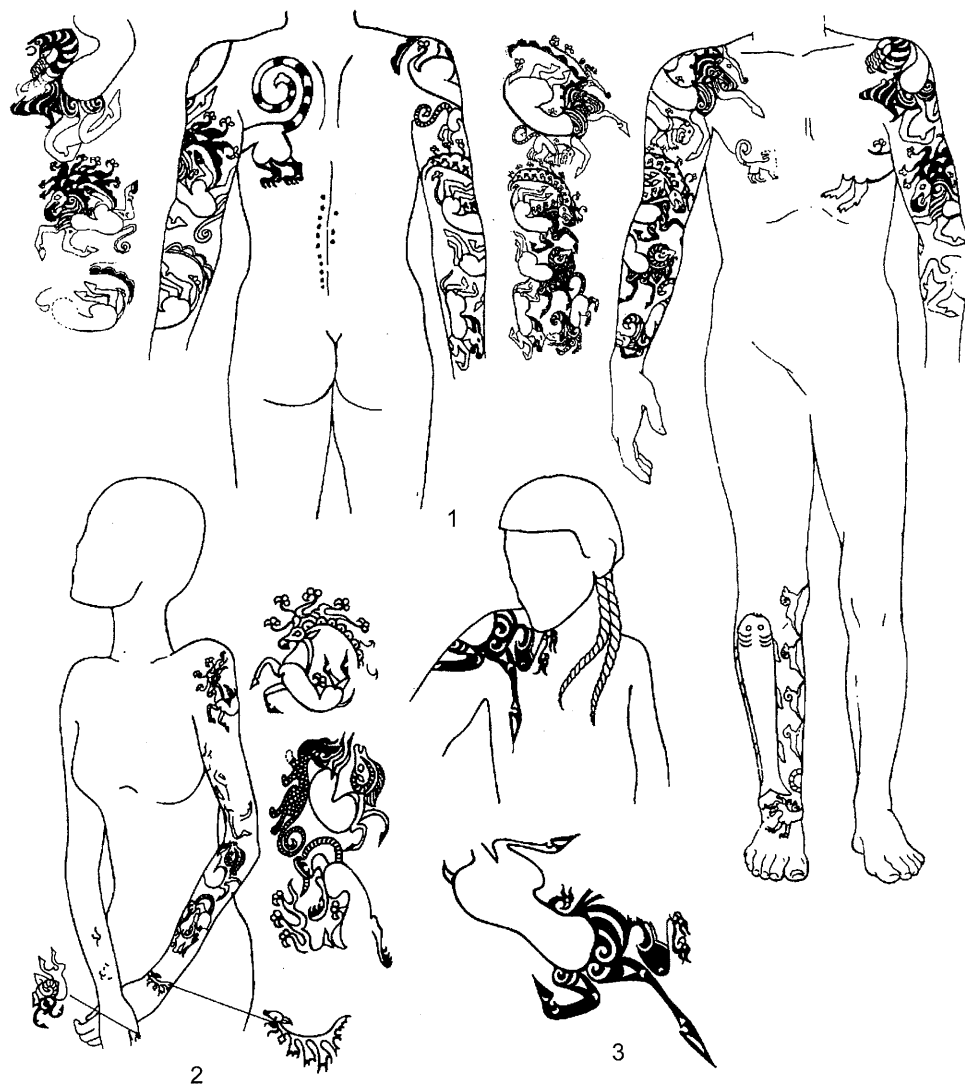

Рис. 1. Татуировка на телах пазырыкских мумий.
1 – Второй Пазырыкский курган; 2 – могильник Ак-Алаха-3, кург. № 1;
3 – могильник Верх-Кальджин II, кург. № 3.

покрывающие антропоморфные фигуры. Например, Р. Гиришман проводит параллель между пазырыкской татуировкой и изображением (довольно примитивным) козла с большим рогом и геометрическими орнаментами на спине и груди обнаженного по пояс мужчины, запечатленного в луристанской бронзовой статуэтке (VIII – VII вв. до н.э.), [Ghirshman, 1963, fig. 476]. Фигуры оленей (и других животных) на т.н. оленных камнях отдельные исследователи также трактуют как возможные татуировки, которые наносились на тела воинов* [Грязнов, 1984, с. 76]. Когда и кому первому пришлось в голову украсить себя не-

* По мнению К. Йеттмара, рисунки на оленных камнях, возможно, повторяли боевую раскраску на телах воинов [Jettmar, 1994, p. 5].

смываемым изображением – неизвестно. Татуировка была распространена среди разных народов от полинезийцев до эскимосов. Слово “татуировка” произошло от полинезийского “татау” [Дафф, 1975, с. 27], что значит “рисовать”. В теплом климате, где люди ходили обнаженными, роль раскраски тела, в том числе и татуировки, была чрезвычайно велика. Эти рисунки заменяли одежду, социальную символику костюма и являлись просто украшением. Например, у женщин племени абигонов в Парагвае “лицо, грудь и руки были покрыты рисунками разной величины, так что создавалось впечатление турецкого ковра”, и это, как они считали, делало их “гораздо более красивыми, чем естественная красота” [Леви-Стросс, 1984, с. 228]. В качестве курьеза можно привести

Рис. 2. Фрагмент кожи на руке мужчины с татуировкой.
Второй Пазырыкский курган.

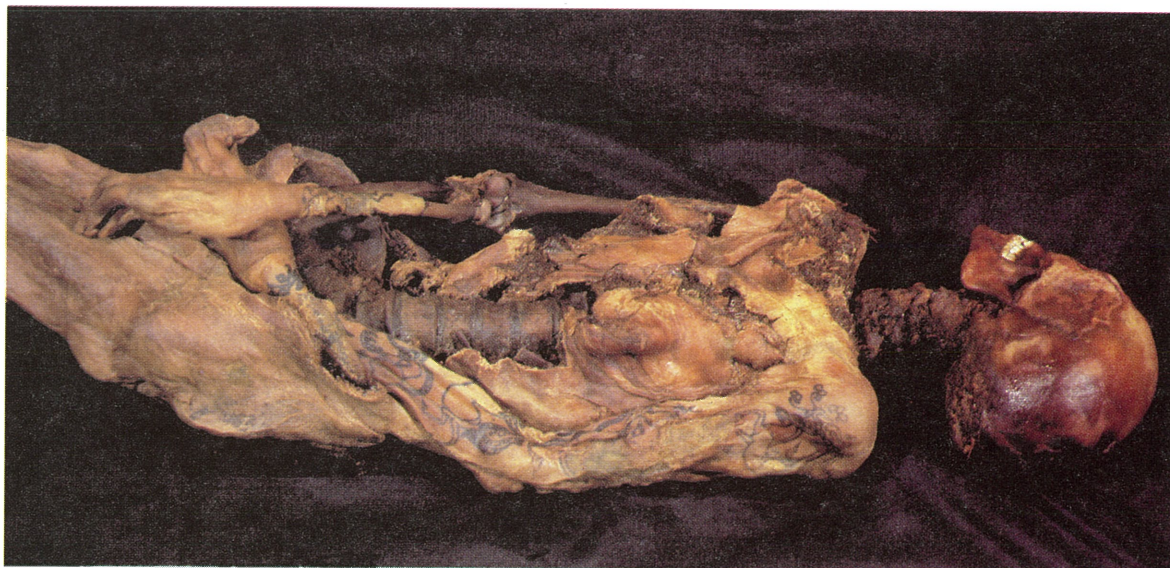

Рис. 3. Мумия женщины. Могильник Ак-Алаха-3, кург. № 1.

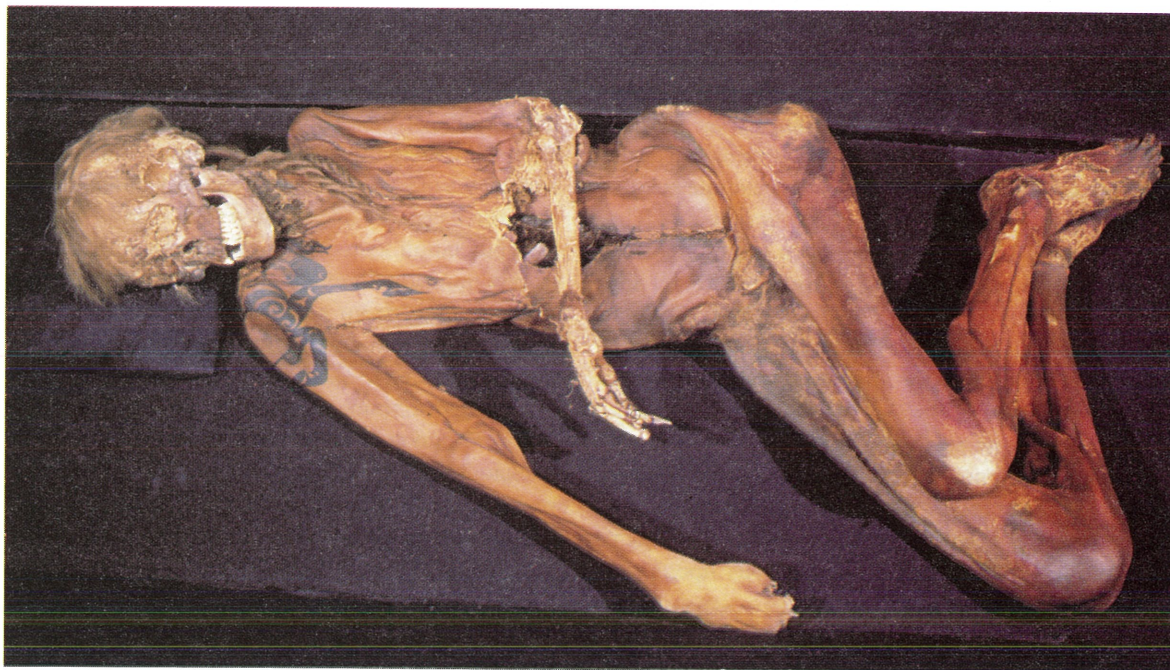

Рис. 4. Мумия мужчины. Могильник Верх-Кальджин II, кург. № 3.

мнение Н.В. Кюнера о том, что “японским пловцам татуировка тела служила для отпугивания больших рыб и животных, но постепенно ее стали считать украшением” [1961, с. 245]. Как было принято у жителей Каролинских островов, ни один взрослый человек не может обойтись без такого украшения, как татуировка. И когда в 1826 г. на о-в Понаж попали два английских моряка-китобоя, их тела (руки, ноги, грудь, лопатки) в знак особого расположения разукрасили традиционным орнаментом, после чего, по мнению аборигенов, они стали выглядеть “немного лучше” [Стингл, 1978, с. 61].

По данным этнографии, техника татуировки довольно разнообразна. На островах Полинезии краски вводились под кожу с помощью костяного шила легкими ударами деревянного молоточка [Дафф, 1975, с. 27]. Эскимосы выполняли татуировку, продергивая под кожей нитку, натертую сажей [Руденко, 1949, с. 149], или, накалывая кожу кончиком иглы, которую смазывали смесью графита и мочи либо втыкали в смешанный с ворванью жженный мох, употреблявшийся в жирниках [Кочешков, 1989, с. 43]. На островах Микронезии для нанесения татуировки пользовались острыми шипами местных кустарников, которые вставляли в костяную рукоятку. Краской служила смесь ореха, растертого с кокосовым маслом [Стингл, 1978, с. 60]. Айны делали уколы кончиком ножа, а в ранки втирали обожженную толченую березовую кору, которая способствовала прекращению кровотечения. Уголь для татуировки смешивали с соком терна, ольхи, шиповника, полыни, мокричника [Арутюнов, Щенников, 1992, с. 194].

Обычай наносить рисунки на кожу до конца XIX в. сохранялся у нарымских селькупов. Татуировкой они покрывали лицо, руки, ноги до колен. Было известно три способа нанесения несмываемых изображений: накалывание железной иглой и натирание сажей с жиром; вышивание бисером по коже; рассечение кожи и втирание краски, после чего оставались рубцы [Пелих, 1972, с. 132]. Ханты в древности делали наколы щучьей челюстью [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 85]. Пазырыкцы наносили изображения путем накалывания, о чем свидетельствует значительная глубина проникновения под кожу красящего вещества, по мнению С.И. Руденко [1953, с. 140], сажи. Как делали изображение – по контурам только что сделанного рисунка или по отпечаткам специальных штампов, как это было у племен даяков с о-ва Калимантан [Происхождение вещей..., 1995, с. 190], – неизвестно. Скорее всего, рисунок наносили без предварительной разметки.

О красителях, с помощью которых в древности, во времена пазырыкцев, создавалась татуировка, не осталось никаких письменных свидетельств. Но хо-

рошо известны способы нанесения татуировки и используемые при этом красители у многих народов мира. Народы Сибири и Дальнего Востока еще в обозримом этнографическом прошлом, как указывалось выше, пользовались преимущественно сажей, углем, смешанными с жиром, мочой или соком растений.

Впервые уникальный образец древней татуировки с тела женщины из кург. № 1 могильника Ак-Алаха-3 был изучен с помощью современных физико-химических методов в лабораториях Института катализа СО РАН и Института неорганической химии СО РАН. Использовался метод рентгеноспектрального микронзондового анализа. При сканировании на коже проявились точечные области (диаметр около 20 мкм), в которых обнаружено высокое содержание калия. Очевидно, что обнаруженные точечные области – это следствие нанесения на кожу татуировки. Присутствие же калия указывает на то, что использовавшаяся для татуировки краска, скорее всего, растительного происхождения. В состав этой краски могли входить обуглившиеся остатки растений, их зола или сажа, которая всегда характеризуется высоким содержанием калия.

Традиции татуировки в разных регионах мира наряду с особенностями имеют общие черты, восходящие к глубокой древности. Так, несмотря на кажущееся разнообразие, известное по этнографическим материалам, все изображения на коже состоят из повторяющихся традиционных элементов. С.И. Руденко сравнил собственные зарисовки эскимосских татуировок, сделанные летом 1945 г. в поселках на берингоморском побережье Чукотки, с зарисовками В.Г. Богораза, относящимися к 1900 г., ко времени Джезуповской экспедиции, и Луки Воронина – художника экспедиции Биллингса-Сарычева 1811 г. Оказалось, что “татуировка, до малейших деталей сходная с сохранившейся до наших дней, практиковалась у азиатских эскимосов, по крайней мере, двести лет назад. И несмотря на то, что за это время в материальной культуре и общественном строе эскимосов произошли существенные изменения, нанесение татуировки ни в общей композиции, ни в частных элементах рисунка не эволюционировало” [Руденко, 1949, с. 153].

К. Леви-Стросс, сравнивая татуировки индейцев Бразилии по собственным и другим, более ранним и сделанным через 15 лет после его путешествия изображениям, с удивлением констатировал, что их стиль, техника и источник вдохновения оставались неизменными на протяжении всего периода, многие узоры совпадали. “Этот консерватизм тем более замечателен, что он не распространяется на гончарное ремесло, которое, если судить по последним полу-ченным и опубликованным образцам, находится в

полном упадке. Таким образом, становится очевидным, что в местной культуре исключительное значение отводится рисункам на теле и в особенности на лице” [Леви-Стросс, 1984, с. 81]. Открытие древней татуировки на телах пазырыкских мумий подтвердило, что при известном разнообразии рисунков некоторые образы, нанесенные на руки мужчины из Второго Пазырыкского кургана, женщины из кург. № 1 могильника Ак-Алаха-3 и мужчины из кург. № 3 могильника Верх-Кальджин II, одинаковы. Повторяемость элементов рисунка, фиксируемую по данным этнографии и археологии, можно считать свидетельством консерватизма традиции татуировки, связанного с тем, что на тело человека наносился не просто орнамент или рисунок, а знаковая система, своеобразный “текст”. В бесписьменной культуре, ориентированной не на умножение текстов, а на повторное их воспроизведение, роль письменности выполняют мнемонические символы [Лотман, 1996, с. 347], к которым можно отнести и образцы пазырыкской татуировки. Так, изображенные на телах пазырыкцев фантастические и реальные животные, рыба – образный язык пазырыкской культуры, ее письмо и, кроме того, язык предков. На тела пазырыкцев было нанесено сакральное письмо, предназначенное для передачи важной информации, скорее всего, мифологического характера. Таким образом происходило “переоформление” натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости.

Как известно по этнографическим данным, татуировка выполнялась в основном женщинами. К. Леви-Стросс по этому поводу заметил, что в племени мбайя (индейцы Бразилии) женщины были художниками, которые расписывали керамику, тело и кожу, а мужчины – скульпторами [1984, с. 81]. У эскимосов татуировкой занимались “самые пожилые и уважаемые в семье женщины”. И эта традиция бытовала среди азиатских эскимосов до 1930-х гг. [Кочешков, 1989, с. 34]. На островах Микронезии нанесением узоров на тело занимались исключительно женщины. И на них самих татуировок было значительно больше, чем на мужчинах [Стингл, 1978, с. 61]. У селькупов татуировку делали, как правило, женщины [Пелих, 1972, с. 132]. У народов Кавказа (дагестанцы, азербайджанцы, грузины, армяне) только женщины наносили татуировку и раскрашивали тела. Хантыйская женская татуировка оставалась тайной для мужчин [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 85]. Вполне вероятно, что и в обществе пазырыкцев татуировка была женским занятием, хотя доказать это пока невозможно.

В традиционных культурах татуировку наносили в молодом возрасте, у эскимосов, например, всем молодым девушкам до выхода замуж [Кочешков, 1989, с. 34], на о-вах Самоа – молодым людям, вступив-

шим в пору возмужания. Пазырыкцы делали татуировку также в молодом возрасте (см. [Руденко, 1953, с. 140]).

Татуировка или расписывание лица и тела была чрезвычайно распространена в древности, средневековье и в традиционных культурах – у агафирсов, дахов, фракийцев, ливийцев, сарматов, динлинов и киргизов, айнов и японцев, индейцев Америки, северных народов от Тихого океана до Урала и т.д. В ближайшем соседстве с пазырыкцами проживали народы, у которых также существовал обычай татуирования. На некоторых сохранившихся в погребениях Синьцзяна европеоидных мумий на верхней части рук, кистях и спине имеется татуировка в виде простых растительных орнаментов [Debaine-Francfort, 1988, p. 5 – 29].

Лица расписывались даже чаще, чем тело. В Полинезии мокомокае – мумифицированные головы, особенно с татуировкой, считались воплощением духа предка [Федорова, 1995, с. 152]. В древности существовало много поводов для раскраски лица. Например, по законам сюнну, ханьские послы не могли входить в юрту шаньюя, не оставив снаружи верительный знак и не разрисовав лицо тушью [Материалы..., 1989, с. 34 – 35]. Атапаски Аляски раскрашивали лица умерших специальными узорами [Дзенискевич, 1987, с. 92]. Известна боевая раскраска североамериканских индейцев. В среде представителей кулайской культуры Западной Сибири, синхронной пазырыкской, судя по бронзовым культовым личинам, существовала традиция татуировки или украшения лица рубцами [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 4, рис. 8]. Вероятно, татуировка была известна и тагарцам Минусинской котловины. Об этом могут косвенно свидетельствовать их расписные погребальные маски-лица. Хотя до сих пор тела пазырыкцев с рисунками на лицах не обнаружены (на Укоке они просто не сохранились), не исключено, что когда-нибудь они станут известны.

У многих архаических обществ татуировка имела большое значение, чаще всего она была связана с рядом инициации (и у мальчиков, и у девочек). Так, на Самоа “юноша, пока он не подвергся татуировке... не мог и думать о браке, над ним постоянно издевались, как над бедняком и существом низкого происхождения, не имеющим права говорить в собрании мужчин... Фактически он как бы не существовал” [Леви-Брюль, 1994, с. 276]. Татуировка и скарификация – внешние знаки смерти и воскрешения, через которые в первобытных обществах проходил индивид, чтобы получить доступ к духовности [Элиаде, 1994, с. 178]. “Шрамы, татуировки, магические увечья и другие значимые метки являются метками социального насилия, именно они гарантируют сообществу необходимое поле мнемонических значений, с

помощью которых оно постоянно воспроизводит себя в отдельном индивиде, наделяя его памятью о том, что можно, а что нельзя” [Подорога, 1994, с. 90]. После инициации тело приобретало новое качество, как поверхность, открытая для записи социального кода, как одно из мест, на котором сообщество пишет свои законы [Там же]. Образы пазырыкской татуировки соответствуют изображениям с одежды, головных уборов, утвари и оружия. Это были знаки одного языка. Как и во всяком стратифицированном обществе, у пазырыкцев кому-то полагалось больше, кому-то меньше “информации” на теле. В этой связи уместно привести сравнение с древним японским обществом, в котором “почетные и низкие” имеют различия в разрисовке тела [Кюннер, 1961, с. 243 – 245].

Всегда имело значение, на какое место наносилась татуировка. Так, на пальцах рук женщины из кург. № 1 могильника Ак-Алаха-3 были плохо различимые рисунки, на большом пальце правой руки имелось более четкое и крупное изображение. Такое расположение рисунков можно объяснить, исходя, например, из алтайской фольклорной традиции, согласно которой в большом пальце заключается душа человека [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 61 – 62].

Возможно, что так же, как представители многих традиционных культур, пазырыкцы различали мужскую и женскую татуировку. По имеющимся сегодня данным, женская татуировка отличалась более мелкими и ажурными рисунками, на ней меньше, чем на мужской татуировке, полностью зачерненных мест. Зачернение каких-то деталей изображения с целью сделать его более выразительным и ярким производилось, вероятно, с помощью пучка связанных вместе игл, что облегчало и ускоряло работу татуировщика.

Пазырыкские татуировщики даже по современным меркам были профессионалами высокого класса. Пользуясь лишь иглой, они достигли вершины мастерства. Таких виртуозов не могло быть много; для этой работы, требовался талант, она не допускала исправлений и неточностей. Создание несмыслимых рисунков на теле – это сакрализованное действие, разработанный ритуал, по завершению которого полностью менялась сущность человека. Мастера-татуировщики, вероятно, высоко ценились в пазырыкском обществе и принадлежали к служителям культа, к категории лиц, наделенных особым даром.

В татуировке на теле мужчины из Второго Пазырыкского кургана и женщины из кург. № 1 могильника Ак-Алаха-3 совпадают даже мелкие стилистические детали, как будто бы их делала одна рука. В изображении на плече мужчины из кург. № 3 могильника Верх-Кальджин II проявилась авторская особенность – своеобразное зачернение головок грифонов на рогах

и спине фантастического зверя (см. рис. 1, 3). Не исключено, что татуировку на тела трех известных нам пазырыкцев наносил один и тот же человек: по последним данным дендрохронологов, относительные даты захоронения этих людей очень близки. Иными словами, все три погребения совершены в достаточно короткий период времени, а два (кург. № 3 могильника Верх-Кальджин II и кург. № 1 могильника Ак-Алаха-3) одновременно.

Понятие “кожа” не редко использовалось для выражения кровного родства. Например, в абхазском языке существует такое ритуальное выражение: чтобы твоя шкура (кожа) стала моей шкурой (кожей), имеющее смысл: чтобы я оказался таким же, как ты [Чеснов, 1991, с. 142]. Таким образом, кожа с искусственно нанесенными на нее знаками, ставшими неотделимыми от кожи, может являться свидетельством кровного родства людей с одинаковой татуировкой.

Плечи – одна из наиболее заметных и удобных поверхностей для нанесения татуировки. Вероятно, именно здесь располагался самый главный знак. На плечах всех трех мумий были запечатлены фигуры одного и того же фантастического существа. Поскольку татуировка имела важное значение не только при жизни человека, но и после его смерти, то изображенное на коже у всех трех известных татуированных пазырыкцев фантастическое существо (олень с клювом грифона, “перекрученным” туловищем, огромными рогами, увенчанными головками грифонов) может быть помощником перехода человека в “иной” мир. Например, казымские ханты, воспроизводя на плече фигурку парящей птицы, полагали, что “она помогает человеку после его смерти проходить через океан к стране мертвых” [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 85]. В эпоху, когда символ был основным элементом мышления, этот синкретический образ мог быть у пазырыкцев символом “иного” мира.

Анализируя особенности размещения татуировки у мужчины из Второго Пазырыкского кургана, М.П. Грязнов предположил, что рисунки наносились на части тела, открытые для публичных состязаний – борьбы. Причем не только борьбы богатырей между собой, но и борьбы между богатырем и чудовищем – “шаманской схватки” [Грязнов, 1962, с. 12]. Разумеется, татуировка наносилась на тело не для того, чтобы потом ее прятать под одеждой. В ходе каких-то важных событий воины обнажали торс, женщины вскидывали разрисованные руки... С этим расчетом ее, надо полагать, и делали. Описывая одежду хортов (кочевники-скотоводы суровых высокогорных районов Северного Тибета), Ю.Н. Рерих отмечал, что только некоторые из них носят рубахи, но “большинство не расстаётся с тяжелой овчиной, которую во время работы приспускают с правого плеча” [1982,

с. 213]. У пазырыкских мужчин было не принято носить рубахи, поскольку, вероятно, это они считали женской одеждой. Может быть, лишь представители верхушки общества позволяли себе это излишество. Таким образом, имея на теле только распахнутую шубу, пазырыкцы легко сбрасывали ее с плеч, обнажая торс (шуба держалась на теле благодаря поясу)*.

Трудно переоценить этнодифференцирующую роль, значение одежды как показателя социального статуса человека. Но у пазырыкцев, как и у многих других народов в древности и средневековье, главным и в этих функциях оставалось тело, “социальное тело, которое должен получить индивид вместо физического в ритуале инициации” [Подорога, 1994, с. 90]. Это новое тело, покрытое несмываемыми знаками, уже “не выделяется из множества других: из тел животных, богов, духов, предков, вещей... Индивидуальное тело открывается в сложном отношении ко множеству других тел, живых и мертвых, образующих пространство его существования” [Там же].

Три известных в настоящее время пазырыкца с татуировкой, вероятно, никогда не виделись, но изображения на теле каждого из них ставили этих людей в определенные отношения друг к другу и в жизни, и после смерти, в “ином” мире. Татуировка вряд ли являлась чем-то необычным для пазырыкцев, но количество изображений, место их нанесения, подбор образов были различными и зависели от пола, положения в обществе, социальных функций. Не следует забывать, что лишь на трех из восьми обнаруженных пока пазырыкских мумий была татуировка. Иначе говоря, принадлежность человека к высшим слоям пазырыкского общества еще не означала, что на его теле должна быть татуировка. Вероятно, несмываемые изображения были характерны далеко не для всех категорий пазырыкцев, но (и это очень важно) татуировка (один знак) наносилась на тела рядовых воинов-пазырыкцев. Известно, например, что воины ирокезов татуировали на своем теле изображения родовых эпонимов [Аверкиева, 1974, с. 13]. Возможно, татуировка пазырыкцев – это знак одного племени или рода.

Широкое распространение простейшей татуировки в традиционных культурах сибирских народов (ханты, манси, селькупы, эвенки, якуты) некоторые исследователи объясняют тем, что она наносилась с

* Ношение одежды и татуировка – не взаимоисключают друг друга в традиционной культуре. Так, еще в начале XIX в. путешествовавший по Кавказу И. Шопен отмечал, что особенность одежды азербайджанских женщин (рубашки с большим разрезом спереди) позволяет во время танца при каждом движении видеть тело бронзового цвета, татуированное разными узорами (см. [Волкова, 1981, с. 114]).

лечебной целью. Например, по представлениям хантов, благодаря специальной татуировке боль переходила из внутренних органов в изображенное существо – животное или птицу [Кулемзин, 1984, с. 119 – 120]. Это назначение татуировки – исцелять с помощью нанесения на кожу магических знаков – было знакомо, вероятно, и пазырыкцам. Кружки (точки) с обеих сторон позвоночника мужчины из Второго Пазырыкского кургана вытатуированы, по мнению С.И. Руденко, “с медицинскими целями, как утоляющие местные боли того или иного происхождения” [1953, с. 138]. Эти нанесенные татуировкой на спину и голеностопы мужчины знаки трактуются как точки рефлексотерапии [Балонов, 1987, с. 93]. В татуировке эскимосов изображение фигурки человека всегда выполняло роль личного “защитника”, ей даже подносили пищу и табак. Маленькие татуированные значки должны были охранять охотника от всяких бедствий на море и в тундре [Кочешков, 1989, с. 34]. Защитное значение, по мнению С.И. Руденко, имела татуировка у пазырыкцев [1953, с. 141]. В “Поэме о скрытом смысле” иранского поэта-мистика Руми (начало XIII в.) есть любопытные строки, посвященные татуировке:

Послушайте, я расскажу вам ныне,
Что за повадки у людей в Казвине,
У коих на плечах и вдоль спины
И львы и барсы изображены.
Казвины их наносят без опаски
Посредством игл, а также синей краски.
Однажды перед банщиком умелым
Казвинец лег, сказав: “Займись-ка делом!”
Спросил казвинца банщик: “Что колоть?”
“Изображеньем льва укрась мне плоть!”
Чтоб сам во льва отныне превратился
Я, тот, кто под созвездием льва родился,
Не пожалей, любезный, краски синей,
Чтоб удивились все у нас в Казвине!”
“В какой колоть мы будем стороне?”
“Коли, – сказал казвинец, – на спине,
Чтоб прям я был, не ведал колебанья
Ни в час застолья, ни на поле брани!”

В этих строках мы находим сведения о способе нанесения рисунка путем накалывания, о том, *что и где* изображали (сильных, благородных хищников – львов, барсов на спине и плечах), с какой целью это делали (для придания храбрости путем перенесения особенностей татуированного животного на человека) и другие детали. Представляется, что все эти сведения, изложенные в прекрасной поэтической форме, имеют значение и для понимания пазырыкской татуировки, хотя, разумеется в поэме татуировка описана как бытовое, а не сакральное явление.

Назначение татуировки вообще не может быть определено однозначно, оно многообразно. Татуировка подчеркивала высокий социальный статус

человека или его особенные качества – благородство и храбрость, личную свободу, имела медицинские цели, носила защитный характер, была украшением, средством передачи сакральной информации, своего рода гербом, знаком принадлежности к роду, племени. Вместе с тем она могла обозначать и прямо противоположные перечисленным качествам, являясь знаком позора, клеймом зависимости, подчинения и униженного состояния*. Учитывая это, каждый конкретный случай древней татуировки необходимо рассматривать отдельно, в контексте культурной среды. Возможно, что именно татуировка подчеркивала принадлежность пазырыкца к сообществу, которое мы связываем с пазырыкской культурой. Столь значимые для нее несмыслимые образы зверей, нанесенные на тело в результате мучительной процедуры, делали человека причастным к великим мистическим тайнам его общества, равноправным членом.

Список литературы

- Аверкиева Ю.П.** Индейцы Северной Америки. – М.: Наука, 1974. – 348 с.
- Арутюнов С.А., Щербанов В.Г.** Древнейший народ Японии (судьба племен айнов). – М.: Наука, 1992. – 138 с.
- Балонов Ф.Р.** Пазырыкские этюды // Исторические чтения памяти Грязнова: Тез. докл. конф. – Омск: Омск. ун-т, 1987. – С. 93.
- Волкова Н.Г.** Обычай татуировки и раскраски тела на Кавказе // СЭ. – 1981. – № 5. – С. 113 – 116.
- Грязнов М.П.** Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. – 1962. – № 3. – С. 7 – 31.
- Грязнов М.П.** О монументальном искусстве на заре скифо-сибирской культуры степной Азии // АСГЭ. – 1984. – № 25. – С. 76 – 82.
- Дзенискевич Г.И.** Атапаски Аляски. – Л.: Наука, 1987. – 152 с.
- Дафф Р.** Искусство и быт Океании // Курьер ЮНЕСКО. – 1975. – Июль. – С. 14 – 22.
- Кочешков Н.В.** Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII – XX вв.). – Л.: Наука, 1989. – 196 с.
- Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 186 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 132 с.
- * Клеарх Солийский оставил свидетельство о том, что скифские женщины наносили татуировку на тела фракийских женщин: “Отсюда, много лет спустя пострадавшие и униженные таким образом женщины фракийцев, особенным образом изгладили следы несчастья, расписав и остальные части тела, чтобы бывшие на них знаки насилия и стыда, войдя в состав разнообразных рисунков, именем украшения изгладили позор” (цит. по [Латышев, 1993, с. 254]).
- Кюннер Н.В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1961. – 390 с.
- Латышев В.В.** Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб.: Фарн, 1993. – 348 с.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. – М.: Наука, 1978. – 535 с.
- Леви-Стросс К.** Печальные тропики. – М.: Мысль, 1984. – 220 с.
- Лотман Ю.М.** Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
- Материалы** по истории кочевых народов в Китае III – V вв. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1: Сюнну. – 287 с.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. – 423 с.
- Подорога В.С.** Эйзенштейн и кинематограф насилия // Искусство кино. – 1994. – № 6. – С. 90 – 102.
- Полосьмак Н.В.** К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 1. – С. 29 – 34.
- Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В.** Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 90 с.
- Происхождение** вещей: Очерки первобытной культуры. – М.: ННН, 1995. – 260 с.
- Рерих Ю.Н.** По тропам Срединной Азии. – Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1982. – 288 с.
- Руденко С.И.** Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. – 1949. – № 1. – С. 149 – 154.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 401 с.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
- Стингл М.** По незнакомой Микронезии. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Федорова И.К.** О происхождении портретной скульптуры в Полинезии (на материалах погребальной практики островитян) // Сб. МАЭ. – 1995. – Вып. 49. – С. 151 – 168.
- Чеснов Я.В.** Мужское и женское начала в рождении ребенка по представлениям абхазо-адыгских народов // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб.: Наука, 1991. – С. 132 – 159.
- Элиаде М.** Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 143 с.
- Allison M.J.** Early mummies from coastal Peru and Chile // Der Mann im Eis. – Wien; N. Y.: Springer Verlag, 1995. – 126 – 129.
- Debaine-Francfort C.** Archeologie du Xunjing des Origies aux Han (Premiere Partic) // Paleorient. – 1988. – Vol. 14/1. – P. 18 – 26.
- Ghirshman K.** Perse, Proto-iraniens, Medes, Achemenides. – P.: Gallimard, 1963.
- Jettmar K.** Body-painting and Roots of the Scypho-Siberian Animal Style // The Archaeology of the steppes methods and strategies papers from the International Symposium field in Naples 9-12, November, 1992. – Napoli, 1994. – P. 3 – 14.

Материал поступил в редколлегию 08.08.2000 г.